

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66

EDN: RISLYE

Особенности номинации времени жизни в русских народных говорах

Михаил Михайлович Кондратенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Аннотация. Понятие времени наряду с понятием пространства является одним из самых важных в системе восприятия мира человеком, и поэтому время как объект исследования на протяжении столетий вызывает интерес у представителей разных наук, по-своему объяснявших его сущность и категории. Поскольку язык объективирует представления человека об окружающем мире, то лингвистическая трактовка обладает особой ценностью. С точки зрения семантики, обозначения времени – это фрагмент общей картины мировосприятия, сегментируемой языком, или, говоря иначе, определенной частью содержащейся в языке структуры значений. Номинация времени складывается из различных лексических групп, одну из которых составляют наименования времени жизни. На основании имеющегося лексического материала можно говорить о том, что семантическая структура обозначений времени жизни в ярославских говорах содержит его интерпретацию, во-первых, как настоящего, наблюдаемого говорящим непосредственно, а во-вторых, как ассоциативно связанного с настоящим прошлого или будущего, находящегося друг с другом во взаимосвязи. Настоящее отражается в русском языковом сознании, запечатленном в лексике и фразеологии народных говоров, наиболее часто в качестве постоянно чередующихся и сменяющих друг друга циклов: периодов хозяйственных работ, фенологических сезонов. В итоге на основе собранного корпуса лексики выявлена структура семантического пространства «время жизни» и установлены некоторые особенности его лексического выражения. Таким образом реконструировались значимые элементы русской темпоральной картины мира и способы их языковой манифестации в диалектах.

Ключевые слова: русская диалектология; Ярославский областной словарь; обозначения времени; принципы номинации; семантическая типология; «наивная» / языковая картина мира

Для цитирования: Кондратенко М. М. Особенности номинации времени жизни в русских народных говорах // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 60–66. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66>. <https://elibrary.ru/RISLYE>

Original article

Peculiarities of naming the time of life in russian dialects

Mikhail M. Kondratenko

Candidate of philological sciences, associate professor of language theory and the german language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

mmkondratenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8777-541X>

Abstract. The concept of time, along with the concept of space, is one of the most important in the system of human perception of the world, and, therefore, time as an object of study has been of interest for centuries to scientists in different spheres, who explained its essence and categories in their own way. Since language objectifies people's perceptions of the world around them, the linguistic interpretation has a special value. In terms of semantics, time designations are a fragment of the overall picture of the worldview segmented by language, or, in other words, a certain part of the meaning structure in the language. The naming of time is based on various lexical groups, one of which is the names of the time of life. On the basis of the lexical material available, one can say that the semantic structure of naming the time of life in Yaroslavl dialects contains its interpretation, firstly, as the present observed by the speaker directly, and secondly, as the past or the future associated with the present, and interrelated with each other. The present is reflected in the russian linguistic consciousness, imprinted in the vocabulary and phraseology of native dialects, most often as a constantly alternating and replacing each other cycles: periods of household work, phenological seasons. As a

result, on the basis of the collected lexical corpus the structure of the semantic space «time of life» was determined and certain features of its lexical expression were established. In this way some significant elements of the russian temporal picture of the world and the ways of their linguistic manifestation in dialects were reconstructed.

Key words: russian dialectology; Yaroslavl regional dictionary; time designations; nomination principles; semantic typology; «naive» / linguistic picture of the world

For citation: Kondratenko M. M. Peculiarities of naming the time of life in russian dialects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(3):60–66. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-60-66>. <https://elibrary.ru/RISLYE>

Постановка проблемы

Осмысление понятия «время» как основополагающего в духовной культуре человечества является, пожалуй, одной из самых древних научных проблем, до сих пор сохраняющих свою актуальность. Уже в античности феномен времени стал важнейшим объектом исследований, в частности в трудах Аристотеля, отмечавшего в качестве значимого признака времени – движение в его непрерывности и цикличности [Аристотель, 1975, с. 164–165]. Категория времени занимала значительное место в трудах И. Ньютона, выделявшего такие разновидности времени, как абсолютное и относительное [Ньютон, 1989, с. 30]; Г. В. Лейбница, писавшего о его бесконечности, вечности и величине [Лейбниц, 1982, т. 1, с. 262, с. 483–484]; И. Канта, констатировавшего субъективный характер восприятия времени [Кант, 2015, с. 39–40]. В XX веке научная трактовка времени также становилась задачей исследований для многих ученых, например Р. Карнапа, постулировавшего невозможность воздействия человека на время [Карнап, 1971, с. 135].

Однако не меньший интерес вызывает лингвистическая интерпретация понятия «время», прежде всего с точки зрения языковой сегментации (выделения объектов номинации и их фрагментов) и семантической мотивации наименований (их внутренней формы, в том числе используемой системы образов для реализации значения). Как утверждал М. Хайдеггер, «человек, задумав всмотреться в то, что есть, попадает к языку для того, чтобы удовлетворительным образом определить то, что ему видится» [Heidegger, 1985, s. 9, 10, 12].

Обращение к языку и его семантической сфере заслуживает особого внимания, так как язык аккумулирует в себе не индивидуальное, а коллективное видение понятия «время», характерное для народа или его отдельной этнографической группы.

Методы исследования

Для изучения понятия «время» с целью установить, как оно раскрывается в языке, имеет смысл обратиться к данным народных говоров, которые в отличие от литературного языка, испытывающего различные внешние культурные влияния, представляют картину непосредственного восприятия времени. В этом отношении был предпринят анализ диалектных лексем, локализованных главным образом в говорах Ярославской области (в границах до 1940 года, по материалам Ярославского областного словаря [ЯОС, т. 1–10, 1981–1991]), а также в некоторых других севернорусских говорах; частично привлекались южнорусские диалектизмы. На основе этого корпуса лексики выявлялась структура выбранного для исследования семантического пространства «время жизни» и устанавливались основные принципы номинации. Таким образом реконструировались значимые элементы русской темпоральной картины мира и способы их языковой манифестации в диалектах.

Результаты исследования

Во временной последовательности выделяются периоды, совпадающие с настоящим (то есть современным для живущих сейчас), а также предшествующие ему или следующие за ним; традиционно эти периоды называются настоящим, прошлым и будущим.

Обозначения настоящего. Время жизни – это то, что происходит сейчас. Другого «сейчас» не существует. Поэтому время жизни – это прежде всего настоящее. Его основная функция – придание циклическому времени, его повторяющимся периодам линейного направления.

Срок жизни интересен тем, что он соотносится с понятием времени как такового и непосредственно воспринимается как единственно возможная форма его существования. Л. Раденкович в своей статье сообщает, что, согласно одному преданию, для шахтера, заблудившегося в шахте (его водил

горный дух по яме девять лет, после чего горняк вышел из рудника слепым), время перестает существовать – значит, он пребывает на том свете [Раденкович, 2007, с. 263]. Значение времени жизни говорящего проявляется еще и в том, что это реальная точка отсчета, с которой в дальнейшем соотносятся прошлое и будущее.

Как показывает диалектный материал, важнейшей составной частью обозначений времени жизни, или настоящего, являются наименования циклически повторяющихся сельскохозяйственных и фенологических сезонов, то есть определенной поры, периода, который подходит для той или иной деятельности. Как всякий благоприятный (неблагоприятный) период, пора имеет свои границы, в том числе и точку завершения, по достижении которой она заканчивается или переходит в другое качественное состояние.

Пора, согласно словарю В. И. Даля – это «время, срок, удобное к чему время» [Даль, Т. 3, 1882, с. 319]. Кроме того, пора – это период времени, качество которого определяется иными, не деятельностью аспектами жизни человека: наличием некоего субъекта, объекта или атрибута, свойственного этому периоду и семантически мотивирующего наименование, то есть время определенных природных явлений, политических событий и т. п.

Восприятие времени как поры, подходящей ситуации для чего-либо в ярославских (как и других славянских говорах), если не доминирует, то является очень существенным для его интерпретации, что проявляется в соответствующих номинациях, например в устойчивом выражении *корова на времени* ‘в последний период перед отелом’, в котором лексема с категориальным значением ‘время’ в действительности обозначает лишь один его специфический период, фиксируемой человеком [ЯОС, т. 6, с. 76].

Среди временных циклов настоящего можно выделить ограниченные: а) рамками суток/рабочего дня и б) календарного года.

В семантическом микрополе, представляющем различные интервалы времени в рамках рабочего дня выделяются, в частности, следующие семемы: ‘рабочее время утром, пока не спадет роса’ – \diamond *за росу* [ЯОС, т. 4, с. 52]; ‘часть рабочего дня до завтрака’ – \diamond *до чаю* [ЯОС, т. 4, с. 7]; другими маркируемыми интервалами времени днем являются: ‘время дневной дойки коров’ – *наполдень, наполдни* [ЯОС, т. 6, с. 107].

В ярославских говорах к подобным обозначениям интервалов времени, сопоставимых с эта-

пами работы, относятся, кроме того: \diamond *ранний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 120] (*уповод* – ‘часть рабочего дня от отдыха до отдыха, в течение которого выполняется определенная работа’; рабочий день при этом делится на два, три или четыре уповода) [ЯОС, т. 10, с. 16], *утренник* [ЯОС, т. 10, с. 23], *роса* [ЯОС, т. 8, с. 136] в значении ‘часть дня до завтрака’; \diamond *до обед* [ЯОС, т. 4, с. 7], \diamond *утренний уповод* [ЯОС, т. 10, с. 22–23], \diamond *обеденный уповод* [ЯОС, т. 7, с. 8] ‘часть дня до обеда’. Этот промежуток времени может раскрываться в ярославских говорах как прием работы: \diamond *вечерний уповод* [ЯОС, т. 3, с. 13], \diamond *поздний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 43], \diamond *последний уповод* [ЯОС, т. 8, с. 71], \diamond *третий уповод* ‘часть дня от обеда до ужина’ [ЯОС, т. 9, с. 117]; *вечерня* ‘время работы на пашне после полудня’ [ЯОС, т. 3, с. 13].

Интервалы времени вечером представлены в ярославских говорах в меньшей степени: \diamond *вечерняя роса* ‘время после ужина’ [ЯОС, т. 3, с. 13]; \diamond *после скотины* ‘время поздно вечером (после возвращения скота с пастбища)’ [ЯОС, т. 8, с. 71]; *подрок* ‘время косьбы вечером’ [ЯОС, т. 8, с. 34].

Кроме того, собранный материал позволяет говорить о запечатленном в народной лексике восприятии календарного года как последовательности различных периодов времени, соответствующих определенным видам сельскохозяйственных работ, например ‘время, когда рубят капусту’ – *капустница* [ЯОС, т. 5, с. 19].

Обычно указание на вид трудовой деятельности и ее фазу сочетаются в семантике слова, однако иногда лексема передает только значение фазы, как в ярославском примере *нива* (1) ‘окончание жатвы’ и 2) ‘окончание какой-либо большой работы, дела’: *завтра у нас нива на сенокосе* [ЯОС, т. 6, с. 146].

В говорах Ярославской области с обозначением фаз трудовой деятельности связаны такие наименования, как *замолот, замолотки, замолотное* ‘первый день молотбы, начало которого сопровождается званым обедом’ [ЯОС, т. 4, с. 86]; *домолотки* (от глагола со значением ‘молотить’) ‘последний этап молотбы, ее окончание, обычно завершившееся праздником’ [ЯОС, т. 4, с. 13–14]; *докопки* ‘окончание уборки картофеля с полей и праздник по этому поводу’ [ЯОС, т. 4, с. 10]; *засевка* ‘начало сева, первый посев, сопровождающийся традиционным обедом; праздник перед посевом’ [ЯОС, т. 4, с. 100].

(эта семантическая модель повторяется и в других славянских говорах, в частности в северо-западных белорусских: *дамалоткі* ‘завершение молотбы’ [СБГ, т. 2, с. 19]; *дакопкі* ‘окончание выкапывания картофеля’ [СБГ, т. 2, с. 16]; *засеўка, засеўкі* ‘начало сева’ [СБГ, т. 2, с. 251]).

Подобные наименования, благодаря их широкой представленности в родственных и генетически удаленных языках, могут служить основанием для работ в русле семантической типологии, основанной на совпадениях или различиях структуры лексического значения, или состава его сем, выявляемых в результате компонентного анализа. Так, для ярославской лексемы *полднище* ‘время дневной дойки коров’ [ЯОС, т. 8, с. 49]; представлено максимальное для этой группы слов количество возможных семантических компонентов: ‘время работы’, ‘часть рабочего времени’, ‘днем’, ‘дойка коров’. Совпадения этих компонентов позволяют увидеть следы общих этапов познавательной деятельности человека даже в лексемах с различным фонетическим обликом.

С номинацией разновидностей сельскохозяйственных работ связаны такие опорные точки отсчета народной хронологии, как *докоски* ‘праздник по случаю завершения сенокоса’ в ярославских говорах [ЯОС, т. 4, с. 10]; название июля *сенозорник* [ЯОС, т. 9, с. 27] раскрывает его как период уборки сена.

Для некоторых циклических периодов хозяйственной деятельности могут использоваться заимствования. Так, в Медвежьегорском районе Карелии отмечена вепсская по происхождению (с точки зрения С. А. Мызникова [Мызников, 2003, с. 383]) лексема *вейга* ‘время дня, наиболее удачное для лова рыбы’ (*примечают, что рыба лучше всего по вейгам идет, это в семь утра, значит, в два часа и в пять вечера, вейга — так время называется*). Такие заимствованные языковые единицы чаще всего характеризуются достаточно «узким» значением и связаны с локальными видами трудовой деятельности.

В лексике ярославских говоров происходящие события могут стратифицироваться, кроме того, в рамках определенного фенологического сезона, времени года или определенного месяца: ‘осенью, до выпадения снега’ – \diamond *по голу* (*сено-то это надо перевозить по голу*) [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘начало зимы’ – *ззимье*, доп. сема – ‘первый снег, первые морозы’ [ЯОС, т. 4, с. 72]).

В рамках того или иного времени года также выделяются некоторые периоды по определен-

ной характеристике состояния природы: ‘период времени зимой, когда стоят сильные морозы’ – *трещанка* (*скоро трещанка начнется*) [ЯОС, т. 9, с. 118]; *полёва, полевница* ‘оттаивание земли весной, период потепления’ (*уже полёва началась, скоро пахать начнем*) [ЯОС, т. 8, с. 50]. Подобные мотивационные признаки могут лежать в основе наименований некоторых месяцев года: ‘май’ – *росеник* [ЯОС, т. 8, с. 136]; ‘октябрь’ – *грязник* [ЯОС, т. 3, с. 113].

Таким образом, наиболее частотным обозначением настоящего в жизни человека являются наименования повторяющихся циклов трудовой деятельности и наблюдаемых говорящим явления природы.

Прошлое и будущее. Их взаимосвязь. Прошлое и будущее существуют в сознании человека и не наблюдаются непосредственно. Прошлое в номинации дифференцируется сильнее, чем будущее. Следует также отметить, что предшествование намеченному сроку чаще, с точки зрения народной аксиологии, оценивается положительно (при условии выполнения поставленной цели, то есть достижения ее заранее), что проявляется, например, в значении лексемы *загодя* в русских говорах – ‘заранее’.

Среди характерных периодов и интервалов времени, стратифицирующихся в прошлом, в говорах Ярославской области можно отметить такие, как ‘три года назад’ – \diamond *в третьем годе* [ЯОС, т. 2, с. 38]; ‘в позапрошлом году’ – *позалетось* [ЯОС, т. 8, с. 43]; ‘позапрошлым летом’ – *по тот год* [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘прошлой, минувшей весной’ – *вёснуй* [ЯОС, т. 3, с. 8–9]; ‘прошлым летом’ – *лони* [ЯОС, т. 6, с. 11]; ‘прошлой осенью’ – *осенесь* [ЯОС, т. 7, с. 56]; ‘прошлой зимой’ – *зимусь* [ЯОС, т. 4, с. 122]; ‘недавно’ – *бывальшени* [ЯОС, т. 2, с. 34]. К этой же группе наименований можно отнести отрезки времени в рамках нескольких дней по отношению к моменту речи: ‘на днях, недавно’ – *ободнясь* [ЯОС, т. 7, с. 16]; ‘прошлой ночью’ – \diamond *по ту ночь* [ЯОС, т. 8, с. 11]; ‘вчера вечером’ – *вечера, вечере* [ЯОС, т. 8, с. 12]; ‘некоторое время тому назад’ – *даве* [ЯОС, т. 3, с. 119].

Периоды времени, стратифицируемые в будущем отличаются меньшим количественным составом: ‘будущий, следующий год’ – \diamond *ленной год* [ЯОС, т. 5, с. 126]; \diamond *ин(ный) год* (*на ин год останется*) [ЯОС, т. 4, с. 142]; ‘в следующем году’ – *напрок* (*напрок в школу пойдем*) [ЯОС, т. 6, с. 108].

Сама внутренняя форма слова *прошлое* указывает на то, что это нечто ушедшее. Однако лексический материал представляет нам два вида прошлого: с одной стороны, это события, навсегда удаленные от говорящего, с другой – это одна из метафор циклических событий, которая не исчезает, но периодически повторяется и во многом определяет представления говорящего о будущем.

Так, время в его обозначениях в качестве родового понятия может быть представлено как бесконечность, что выражается в наличии общего фрагмента семантической сферы когнатов праславянского **věky*. В севернорусских говорах *век* – это ‘срок жизни’, но, помимо этого, ‘никогда’ и ‘издавна’ [СРНГ, т. 4, с. 99–100]).

Традиционно постулируемое деление временной последовательности на прошлое, настоящее и будущее на самом деле не отличается четкими границами. Прошлое переходит в настоящее, создает его и исчезает в нем, а настоящее существует, порождая будущее. Однако, представляя будущее, говорящий переносит моменты прошлого по другую сторону от актуальной точки отсчета на оси времени. В говорах Брянской области отмечена лексема *абратна* в значении ‘опять’: *абратна снег буде* [Расторгуев, 1973, с. 30]. Повторение события, относящееся к будущему, здесь воспринимается как движение назад.

В какой-то степени прошлое представляется нам началом потока линейного времени, а будущее – тем его концом, который доступен сознанию говорящих, в известной мере ограниченному рамками рациональной возможности восприятия действительности человеком. Поэтому для характеристики будущего важно исследование семантики «конца». Собранный материал демонстрирует многообразные способы обозначения окончания, завершения тех или иных времен, в том числе времени жизни.

В этом отношении стоит обратить внимание на еще одно зафиксированное значение лексемы *век* (помимо значения, свойственного литературному языку), а именно: ‘конец чего-нибудь’ (*и веку ему не буде* [Расторгуев, 1973, с. 63]).

Характерной особенностью народного восприятия времени, запечатленного в народных говорах, является отсутствие прерывности и линейной последовательности между прошлым, настоящим и будущим, между ними существует тесная связь, реализуемая в семантической сфере словарного состава и устойчивых выражений. В этом отношении особый интерес вызывают лек-

семы, семантика которых синтезирует в себе представление о времени как о едином пространстве, фрагменты которого, скорее, дополняют друг друга, а не противопоставляются. В частности, это может выражаться в сочетании значений, отсылающих нас то в прошлое, то в будущее: так, в ярославских говорах лексема *напредки* обладает значениями как ‘в будущем’, так и ‘сперва, сначала’ (то есть, фактически – в прошлом) [ЯОС, т. 6, с. 108].

И. М. Тронский, в свете задач реконструкции общеиндоевропейского глагольного строя, писал: «Будущее как объективная понятийная категория предполагает уже развитое представление о закономерности мира. Пока этого нет, люди говорят о будущем как о сфере своих ожиданий, предположений, пожеланий и т. д., и для его выражения служат модальные категории» [Тронский, 1967, с. 92]. То есть в представлениях о будущем запечатлен опыт жизни в прошлом. Именно этот феномен, возможно, отражается и в лексике, обозначающей одновременно прошлое и будущее.

Таким образом, можно говорить о времени жизни как о некоем едином пространстве, содержащем, с одной стороны – повторяющиеся циклы, с другой – линейную последовательность с отмеченными на ней пунктами, удаленными в той или иной степени от настоящего, от «сейчас».

Связь с категориями пространства представляется одним из важнейших способов раскрытия понятия времени. С. М. Толстая отмечала невозможность «глубокого раскрытия этих концептов без соотнесения их друг с другом, без понимания внутренней связи пространства и времени ... мы говорим о времени на языке пространства ... при этом пространство – всего лишь локус, в котором разворачивается жизнь природы и человека, оно «вместилище» жизни, тогда как время – это сама жизнь, однако ее течение уподобляется движению предмета (человека) в пространстве» [Толстая, 2011, с. 8].

Похожую точку зрения на особенности восприятия времени и пространства в традиционной культуре высказывал А. Я. Гуревич: «время, как и пространство, может быть добрым и злым, благоприятным для одних видов деятельности и опасным, враждебным для других» [Гуревич, 1984, с. 46].

Однако преимущественно субъективный характер восприятия и презентации в языке времени (по сравнению с аналогичными процессами

по когнитивному освоению пространства) приводит к более многочисленным и качественно разнообразным способам его «наивной» классификации.

Пространственные характеристики часто используются для определения меры времени, например: *по край свету* – ‘очень давно’ (*это было по край свету, и никто уж не помнит теперь*) [ЯОС, т. 8, с. 11]. Так, лексема *выход*, которая обозначает, согласно Большому академическому словарю русского языка, действие по глаголу *выходить* [БАС, т. 3, с. 627] и соотносится прежде всего с физическим пространством в разных его проявлениях, отмечена в ряде говоров современных Ярославской и Костромской областей в значениях ‘время, период’ и ‘смерть’: *я не прежнего выхода, трещит в избе подоконный угол – к выходу* (к смерти) [ЯОС, т. 3, с. 60; СРНГ, т. 6, с. 52]. Здесь можно вспомнить, что «именно смертность всего живого определяет отношение человека к жизни» [Жельвис, 2012, с. 168]. Другими словами, понятие смерти как границы времени жизни, а также способы его репрезентации в языке/диалекте являются крайне важными для оценки системы обозначений времени изучаемого идиома.

В архангельских говорах полисемичная лексема *выход* обозначает, помимо окончания жизни вне брака также ‘истечение срока или конец существования чего-либо’ [Арх., 1998, с. 358]. Лексемы, производные от *-вход-* обозначают, наоборот проникновение во временное пространство. Так, в пермских и вятских говорах зафиксировано следующее высказывание: *настоящего пона у нас нет, а служит входящий* (то есть временный) [СРНГ, т. 5, с. 240]. Другими словами, в диалектной лексике наблюдается восприятие времени жизни как своеобразного пространства, в которое можно входить и которое можно покидать.

Выводы

Анализируя состав языковых единиц, репрезентирующих время жизни в лексике русских народных говоров, можно прийти к выводу, что оно представлено настоящим, складывающемся прежде всего из сменяющих друг друга циклов хозяйственной деятельности, а также отображением в языке наблюдаемых природных явлений. Это настоящее воспринимается как преходящее, конечное пространство, в которое можно войти и из которого – выйти. Вместе с тем время жизни осознается не только как актуальное «сейчас»,

обладающее концом существования, но и как фрагмент абсолютного времени, находящийся в вечном временном пространстве, включающем в себя также прошлое и будущее. Языковые данные указывают на различные варианты интерпретации актуальности и вечности. Лингвистический материал свидетельствует о спиралевидной модели связи в сознании ограниченного во времени и бесконечного, то есть настоящего и связанных с ним прошлого и будущего.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. Москва : Мысль, 1975. 550 с.
2. Арх. – Архангельский областной словарь. Вып. 8. Москва : Изд-во МГУ, 1993. 432 с.
3. БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 3 / ред. К. С. Горбачевич. Санкт-Петербург : Наука, 2005. 664 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2. Москва : Искусство, 1984. 350 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3 Санкт-Петербург, Москва : издание М. О. Вольфа, 1882. 576 с.
6. Жельвис В. И. Смерть в немецких эвфемизмах // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. № 4. Том I (Гуманитарные науки). С. 168–174.
7. Кант И. Критика чистого разума. Москва : Эксмо, 2015. 880 с.
8. Карнап Р. Философские основания физики. Москва : Прогресс, 1971. 391 с.
9. Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. I / ред. и сост. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. Москва : Мысль, 1982. 636 с.
10. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 540 с.
11. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Москва : «Наука», 1989. 690 с.
12. Раденкович Л. «Беркман» и другие духовладельители земных недр у славян // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. Москва : «Индрик», 2007. 352 с.
13. Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины (Материалы для истории словарного состава говоров) / ред. Е. М. Романович. Минск : Наука и техника, 1973. 296 с.
14. СБГ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча в 5 т. Мінск : Вышэйшая школа, 1981-1986.
15. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1 / гл. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1994. 512 с.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. Санкт-Петербург : Наука, 1965–2021.

17. Толстая С. М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. Москва : Индрик, 2011. 368 с.

18. Тронский И. М. Общеевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Ленинград : «Наука», 1967. 104 с.

19. ЯОС Ярославский областной словарь в 10 т. Ярославль : Издательство ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

20. Heidegger Martin Die Sprache // Gesamtausgabe. I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1985. 262 S.

Reference list

1. Aristotel'. Sochinenija v chetyreh tomah. T. 1 = Aristotle. Works in four volumes. V. 1 / red. V. F. Asmus. Moskva : Mysl', 1975. 550 s.

2. Arh. – Arhangel'skij oblastnoj slovar' = Arkh. – Arkhangelsk regional dictionary. Vyp. 8. Moskva : Izd-vo MGU, 1993. 432 s.

3. BAS – Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = BAD – The Big Academic Dictionary of the Russian language. T. 3 / red. K. S. Gorbachevich. Sankt-Peterburg : Nauka, 2005. 664 s.

4. Gurevich A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = Medieval culture categories. Izd. 2. Moskva : Iskusstvo, 1984. 350 s.

5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka = Explanatory dictionary of the Great Russian language. T. 3 Sankt-Peterburg, Moskva : izdanie M. O. Vol'fa, 1882. 576 s.

6. Zhel'vis V. I. Smert' v nemeckih jevfemizmah = Death in German euphemisms // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Gumanitarnye nauki: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. № 4. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 168–174.

7. Kant I. Kritika chistogo razuma = The Critique of Pure Reason. Moskva : Jeksmo, 2015. 880 s.

8. Karnap R. Filosofskie osnovanija fiziki = Philosophical foundations of physics. Moskva : Progress, 1971. 391 s.

9. Lejbnic G. V. Sochinenija v chetyreh tomah = Works in four volumes. T. I. / red. i sost. V. V. Sokolov; perevod Ja. M. Borovskogo i dr. Moskva : Mysl', 1982. 636 s.

10. Myznikov S. A. Russkie govory Obonezh'ja. Areal'no-jetimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltijskogo proishozhdenija = Russian dialects of Obonezh'ye. Areal etymological Baltic-Finnish vocabulary studies. Sankt-Peterburg : Nauka, 2003. 540 s.

11. N'juton I. Matematicheskie nachala natural'noj filosofii = Mathematical Principles of Natural Philosophy. Moskva : «Nauka», 1989. 690 s.

12. Radenkovich L. «Berkman» i drugie duhivlastiteli zemnyh nedr u slavjan = «Berkman» and other Slavic spirits ruling the earth's depths // Vostok i Zapad v balkanskoj kartine mira. Pamjati Vladimira Nikolaevicha Toporova. Moskva : «Indrik», 2007. 352 s.

13. Rastorguev P. A. Slovar' narodnyh govorov Zapadnoj Brjanshhiny (Materialy dlja istorii slovarnogo sostava govorov) = Dictionary of popular dialects of the Western Bryansk region (Materials for the history of dialectal vocabulary) / red. E. M. Romanovich. Minsk : Nauka i tehnika, 1973. 296 s.

14. SBG – Složnik belaruskich gavorak paŭnochnazahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha v 5 t. Minsk : Vyshhejšhaja shkola, 1981–1986.

15. SRGK – Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej = DRDK – Dictionary of Russian dialects in Karelia and neighboring regions. T. 1 / gl. red. A. S. Gerd. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU, 1994. 512 s.

16. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov = DRFD – Dictionary of Russian folk dialects. Vyp. 1–52. Sankt-Peterburg : Nauka, 1965–2021.

17. Tolstaja S. M. Prostranstvo i vremja v jetnolingvističeskoj perspektive = Space and time in ethnolinguistic prospect // Prostranstvo i vremja v jazyke i kul'ture / отв. редактор С. М. Толстая. Москва : Индрик, 2011. 368 с.

18. Tronskij I. M. Obshheevropejskoe jazykovoe sostojanie (voprosy rekonstrukcii) = The Pan-European linguistic state (Reconstruction issues). Leningrad : «Nauka», 1967. 104 s.

19. JaOS – Jaroslavskij oblastnoj slovar' v 10 t. = YRD – Jaroslavl regional dictionary. Jaroslavl' : Izdatel'stvo JaGPU im. K.D. Ushinskogo, 1981–1991.

20. Heidegger Martin Die Sprache // Gesamtausgabe. I Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann GmbH, 1985. 262 S.

Статья поступила в редакцию 21.05.2022; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted on 21.05.2022; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication on 23.08.2022.